

О ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЕ И СЕМАНТИЗАЦИИ СЛОВА

Канд. филол. наук, доц. КУЗИКЕВИЧ Г. П.

Белорусский национальный технический университет

Владение лексикой, в частности умение раскрывать семантику слова (семантизация), является составляющей коммуникативной компетенции. В методике обучения языку хорошо известна роль словообразовательного, морфемного и дистрибутивного анализа, используемого в целях семантизации лексики. В работах разных лингвистических школ также отмечается важная роль, которая отводится языковым формам, проливающим свет на семантику слова. Использование в научной литературе порой по-разному трактуемых метаязыковых понятий лишний раз свидетельствует о сложности семантической организации языка и необходимости конкретизации понятийного аппарата. В настоящей статье на примере понятий «внутренняя форма слова», «словообразовательное значение» и «способ представления информации» описываются лингвистические основы формирования лексической компетенции.

Помня, что путь к выявлению концептуальных структур, составляющих семантику слова, лежит через языковые формы, мы разделяем позицию ученых, усматривающих в лингвистических формах определенную специфику. Так, по мнению А. В. Бондарко, «понятие формы применительно к языковому содержанию двойственно. С одной стороны, речь идет о материальной форме – средствах формального выражения, формальных показателях, а с другой – о форме как способе представления смысла в определенных структурах языкового содержания, способе языковой категоризации» [1]. При этом разные стороны языковой формы неразделимы: форма как способ языкового представления смыслового содержания неразрывно существует с формой как ее материальным выражением. Аналогичной точки зрения придерживается Ю. С. Степанов, который считает, что «форма содержания в языке не тождественна форме вообще, или поверхностной форме. Последней является в конечном счете языковая

форма высказывания или слова. Форма же содержания – это часть содержания» [2].

Помимо мнения названных и других авторитетных лингвистов современности, мысль о том, что языковая форма – это не просто грамматическая форма и не та или иная часть языковой структуры, а «язык, как он есть в своей деятельности сущности», проходит красной нитью в трудах В. фон Гумбольдта [3]. Ученый подчеркивал необходимость изучения языка не как готового, некоего мертвого продукта (*Erzeugtes*), но как самого производства (*Erzeugung*) и близко подошел к толкованию языковой формы с учетом ее логического аспекта. Однако это были философские рассуждения, послужившие общими теоретическими постулатами лингвистических исследований. Конкретизируя и развивая идеи В. фон Гумбольдта, Г. Г. Шпет пришел к выводу о том, что «внутренняя словесно-логическая форма» – это закон самого образования понятия. «Если можно говорить о «внутренней форме» как об отношении внешней сигнификативной формы и предметной формы вещного содержания... то это отношение также нужно понимать как движение, и жизнь внутренней формы надо понимать как развитие, осуществляющееся в способах соотнесения обоих терминов названного отношения» [4].

Дальше правил чисто внешней языковой репрезентации простирается понятие формы в концепции А. А. Потебни о внутренней форме слова, под которой понимается «способ представления прежнего содержания в новом слове», например в слове «подснежник», буквально означаящем «нечто находящееся под снегом» [5]. В более четком и «работающем» в лингвистических исследованиях определении внутренней формы А. А. Потебня сделал акцент на словообразовательной мотивации, дал объяснение, почему у слова, передающего определенную информацию, оказывается именно

такая форма. В отличие от В. фон Гумбольдта, предельно широко толковавшего понятие языковой формы, А. А. Потебня ограничил рамки приложения своей концепции сферой производного слова. В ней внутренняя форма слова – это то, что передает первоначальное значение слова, сложившееся в момент его образования, то, что обеспечивает прочтение его буквально-го смысла. Внутренняя форма слова предстает как неоднозначный феномен. С одной стороны, она рассматривается как элемент этимологии, отсылая к источнику именования и указывая на признак, который кладется в основу образования нового смысла, с другой стороны, как определенный способ семантической организации нового, производного слова. Действие этого способа состоит в том, что на первый план в семантической организации слова выступает выраженный основной мотивировочный признак. Хотя концепция внутренней формы слова не дала должного объяснения логического аспекта формирования семантики, она оказалась весьма плодотворной для развития теории словообразования и ономазиологии.

Идея А. А. Потебни о том, что мотивация значения слова – это не само значение, а лишь намечка возможного содержания, нашла поддержку у дериватологов и способствовала смещению их внимания со структурно-словообразовательного анализа к семантическому. Весомый вклад в изучение словообразовательной семантики внесли представители ономазиологического направления (М. Докулил, Е. С. Кубрякова, З. А. Харитончик, М. Н. Яценецкая, С. А. Жаботинская, Е. М. Позднякова, Е. А. Селиванова и др.). В отличие от семасиологического направления, рассматривавшего содержательную сторону языковых единиц с точки зрения их внутрисистемных значимостей и дистрибутивных связей, ономазиологическое направление подошло к их рассмотрению с точки зрения соотносительности с внеязыковой деятельностью. Критически оценив крайний синтаксизм зарубежных теорий, ономазиология связала словообразование с номинацией, а именно словесный знак репрезентирует некоторый результат познавательной деятельности человека, и соответственно именование по признаку немислимо без элементарного знания именуемой сущности. Опора на теорию номи-

нации привела к признанию того, что «словообразовательный акт лишь завершается созданием определенной морфологической структуры и что ее образование – это только конечный шаг в сложном речемыслительном процессе наречения одного явления или предмета через другое» [6]. Толкование связей между элементами словообразовательной структуры как проекции связей, обнаруженных человеком в окружающей действительности и закреплённых словесным знаком, позволило дериватологам обосновать наличие у производного слова особого типа языкового значения – словообразовательного. Не останавливаясь подробно на имеющихся трактовках словообразовательного значения, отметим, что наиболее убедительной представляются точки зрения Е. С. Кубряковой, З. А. Харитончик, М. Н. Яценецкой, Е. А. Селивановой и других ученых, в трудах которых обоснована ономазиологическая сущность словообразовательного значения. Она состоит в передаче обобщенных элементов смысла – тех типов отношений, которые складываются между двумя категориальными значениями, фиксируемыми расчлененной структурой производного слова. Согласно ономазиологическому подходу, в словообразовательном значении преломляется отношение между именуемым фрагментом действительности и тем, с которым он сравнивается. Например, слово «ватник» передает отношение «сделан из», слово «учитель» передает отношение лица к действию («тот, кто учит»), а слово «желтизна» выражает «опредмеченное свойство».

Словообразовательное значение устанавливается с помощью словообразовательной структуры, формой же его существования является ономазиологическая структура. Предпосылки данного понятия заложены М. Докулилом, указавшим на необходимость описания словообразовательных категорий с помощью сложных структур, образуемых сочетанием ономазиологического базиса, как правило, выраженного словообразовательным аффиксом (а в случае отсутствия такового – самой словообразовательной моделью), и ономазиологическим признаком, выраженным основой производного. Логическую завершенность и моделирующую силу ономазиологическая структура получила благодаря ее дополнению ономазиологическим

предикатам. Исходя из того, что образование производного слова строится на базе развернутого мотивирующего суждения, словообразовательное значение выводится с помощью тернарной (трехчленной) ономаσιологической структуры и представляет собой результат приписывания ономаσιологическому базису посредством ономаσιологического предиката определенного ономаσιологического признака.

Ономаσιологическая структура по-разному и чаще всего не полностью фиксируется в поверхностной структуре производного, что требует при установлении словообразовательного значения определенного домысливания. Например, в словах «шляпочник» и «стеклодув» (тот, кто делает шляпы; тот, кто выдувает стекло) домысливается предикат, указывающий на признак «действие». Приведем примеры на материале немецкого языка, когда для выявления словообразовательного значения отсубстантивных производных также необходимо додумывание латентного ономаσιологического предиката (в примерах он заключается в кавычки), который может указывать на:

- 1) «время», обозначенное основой: *das Altertum* – древность, старина;
- 2) «качество» того, что обозначено основой: *das Abenteuerertum* – авантюризм;
- 3) «отношение» того, что обозначено основой: *die Freundschaft* – дружба;
- 4) «свойство» того, что обозначено основой: *die Atomigkeit* – атомарность и т. д.

Если лексическое значение принадлежит отдельным лексическим единицам, а грамматическое, напротив, целым подклассам и классам, то словообразовательному значению приписывается некий промежуточный характер. Словообразовательные значения заключают в себе обобщенные смыслы, складывающиеся между ономаσιологическим базисом и признаком, которые субкатегоризируют номинативное пространство производных, отсылая к определенным понятийным классам. У приведенных выше абстрактных имен такими классами являются признаки «время», «качество», «отношение», «свойство». В отличие от производных отсубстантивного типа в ономаσιологической структуре отглагольных производных необходимо домысливание не предиката, а ономаσιологического признака, например:

1) «экзистенциональность»: *das Sein* – бытие, существование;

2) «акциональность»: *das Schleifen* – шлифовать;

3) «процессуальность»: *der Gang* – ход и т. д.

Словообразовательное значение позволяет, таким образом, выявить, в какой понятийный класс включается производное слово, а это облегчает его понимание и проливает свет на смыслообразование на понятийном уровне, подсказывая характер ассоциативных связей.

При семантизации производного слова нужно иметь в виду «приблизительность» внутренней формы, поскольку «новое слово, созданное на основе звуковой оболочки, соотношенной с каким-либо его признаком, с самого начала становится содержательно богаче по сравнению с содержанием, воплощенным в признаке» [7]. Это имеет глубокий смысл, порождая вариативность внутренней формы. Так, имя существительное *die Erfindung* – изобретение может называть в разных контекстах и конкретный изобретенный предмет, и процесс изобретения, и некий обобщенный итог, результат изобретения; а имя существительное *der Bau* реализует в зависимости от контекста значения «строительство» (процесс), «стройка» (место), «постройка» (объект), «конструкция» (устройство, структура). В условиях контекста раскрывается не только вариативность внутренней формы, но и ощутимо проявляется двухуровневая семантическая организация слова – наличие в ней языковых и концептуальных структур.

С точки зрения когнитивной лингвистики, формирование семантики начинается на концептуальном уровне, в процессе обобщения человеком поступающей по разным каналам информации. Это происходит на фоне общей концептуальной картины мира, которая, с одной стороны, представляет собой, некоторый результат осознания мира человеком, а, с другой стороны, находится в состоянии постоянной оперативной динамики и в целом является богаче языковой картины мира (М. Бирвиш, Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, Ю. Н. Караулов и др.). В слове как знаке семантика представлена в редуцированном виде, однако она может домысливаться с помощью контекста, анализа внутрисистемных лексических свя-

зей и инференции, т. е. правил семантического вывода.

Наряду со словообразовательно-номинативной функцией внутренней формы М. Н. Янценецкая выделяет системообразующую функцию. Последняя объясняется тем, что, создавая словообразовательные ряды типа *белый – белить – белила – белок – белизна*, слова вступают в синхронную зависимость друг от друга. По мнению ученого, «деривационная и системообразующая функции внутренней формы оказываются взаимосвязанными. В первом случае языковая значимость внутренней формы проявляется в процессе самой номинации... во втором, – производное включается в лексические мотивационные отношения» [8]. Существующая в каждом языке система межлексемных мотивационных связей может служить базой для семантизации одного слова через другое, как это иногда используется в метаязыковых описаниях типа: «Резун – трава такая, она руки режет» (пример М. Н. Янценецкой).

До сих пор речь шла о расчлененном способе представления информации и семантизации производных слов, у которых благодаря прозрачной внутренней форме возможно выведение хотя бы части семантики на уровень морфологической структуры слова. По-иному в этом смысле выглядит картина у непроизводных слов (простых, или симплексов), которые не несут следов словообразовательного процесса и соответственно не обладают «памятью слова». Их употребление конвенционально, а семантика с опорой на морфологический состав не распознаваема и не объяснима, с точки зрения современных связей между ними, как знаками и именуемыми сущностями. Так, используя простое слово «окно», мы не связываем его без специального обращения к этимологическому словарю со словом «око», а слово «картофель» со словосочетанием «земляная шишка» (от лат. *terra* – земля и *tubel* – шишка). Незнакомые симплексы могут быть семантизированы либо в условиях контекста, либо благодаря указанию на именуемый предмет или явление. Для понимания простого слова в значительно большей степени, чем для производного, важна роль контекста, общих фоновых значений, инференции, умозаключений, наконец, ассоциативных связей. При обращении

к этимологическому словарю необходимо учитывать возможность демотивации, дезтимологизации и такие случаи, как переход производных слов в класс простых. Указывая на разные способы представления информации (у производных слов она представлена через словообразовательную структуру, т. е. расчленено, а у симплексов – холистически), Е. С. Кубрякова подчеркивает когнитивный аспект этого различия. Если производные слова передают семантику реляционно: называя отдельное действие, признак или предмет, они одновременно указывают на его связь с другим действием, признаком или предметом, то «простые слова фиксируют в языковой карте мира как бы отдельные ее точки» [9]. Иначе говоря, простые слова не столь дескриптивны, как производные.

ВЫВОД

Описанные различия в языковой репрезентации семантики во многом объясняют лингвистические основы усвоения лексики и могут быть использованы при разработке заданий по формированию навыков семантизации слова на уровне как системы языка, так и речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. О формальности языковых значений // Язык: Теория, история, типология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 16.
2. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. – М.: Наука, 1981. – С. 97.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2001. – С. 69–71.
4. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на тему Гумбольдта. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – С. 117.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1968. – С. 47.
6. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. – М.: Наука, 1981. – С. 97.
7. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 170.
8. Янценецкая М. Н. Внутренняя форма слова и ее функции в системе языка // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1991. – С. 63.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 335.